
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ВВП СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ГРИГОРИЙ ГЕРМАНОВИЧ ПОПОВ,

*Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия,
e-mail: GGPopov2009@mail.ru*

Цитирование: Попов, Г.Г. (2021). Новые подходы к оценке ВВП СССР в период Великой Отечественной войны // *Journal of Institutional Studies* 13(2): 53–67. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.2.053-067

Статья посвящена вопросам мобилизации экономики СССР в период Великой Отечественной войны. Автор на базе архивных материалов и достижений современного историко-экономического анализа предлагает новый метод для определения ВВП СССР в 1940–1945 гг. на основе разработанной А. Милвордом концепции мобилизации экономики. Его применение показывает, что принятые А. Меддисоном и М. Харрисоном оценки ВВП СССР периода Второй мировой войны завышены. На основе расчетов сделан вывод, что рост советской экономики в 1943–1945 гг. был не столь значительным, как принято полагать, так что в 1945 г. советская экономика не достигла довоенного уровня по ВВП. Автор доказывает, что резервы советской экономики перед Великой Отечественной войной имели ограниченный характер, что также объясняется лимитированной релокацией ресурсов между аграрным и городским секторами экономиками СССР. Выживание экономики СССР в начальный период Великой Отечественной войны объясняется релокацией капиталовложений в центральные и восточные регионы страны из-за оккупации экономически гораздо менее эффективных западных регионов.

Ключевые слова: *Вторая мировая война; Великая Отечественная война; мобилизация экономики; плановая экономика; экономическая политика СССР; экономический рост в СССР*

NEW APPROACHES TO ESTIMATING THE USSR GDP DURING THE SECOND WORLD WAR

GREGORY G. POPOV,

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russia,
e-mail: GGPopov2009@mail.ru*

Citation: Popov, G.G. (2021). New approaches to estimating the USSR GDP during the Second World War. *Journal of Institutional Studies* 13(2): 53–67. (In Russian.) DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.2.053-067

The article is devoted to the issues of mobilization of the USSR economy during the Second World War. The author proposes a new method for determining the GDP of the USSR in 1940–1945 based on archival materials and achievements of modern historical and economic analysis of the national economy of the USSR during the Second World War. The author also considers a theory of economic mobilization during the Second World War of Alan Milward, applying his ideas to the analysis of the Soviet military economy. The author believes that the estimates of the GDP of the USSR adopted by A. Meddison and M. Harrison for the period of the Second World War are overstated. In this regard, the author concludes, based on calculations, that the growth of the Soviet economy in 1943–1945 was not as significant as is commonly believed, and the Soviet economy did not reach the pre-war level of GDP in 1945. In this regard, the author proves that the reserves of the Soviet economy before the Second World War were very limited, which is also explained by the limited relocation of resources between the agricultural and urban economies of the USSR. The survival of the Soviet economy during the Second World War was mainly due to the relocation of capital investments to the Central and Eastern regions of the country due to the occupation of less economically efficient western regions. In this regard, the author also hypothesizes that industrial clusters arose in the Central and Eastern regions of the USSR as a result of an evacuation.

Keywords: *The Second World War; economic mobilization; planned economy; economic policy of USSR; economic growth in USSR*

JEL: *B29, B40, B41, N14, N44*

Методология исследования

Экономика СССР периода Великой Отечественной войны и в целом периода правления Сталина продолжает привлекать внимание исследователей, изучающих возможности планирования и мобилизации. В мейнстриме западной науки принято считать, что сформировавшаяся на рубеже 1920–1930-х гг. советская экономическая политика стала мобилизационной, направленной на «рывок» в социально-экономическом развитии. Эта «контрмодернизация» происходила путем копирования некоторых западных государственных управленческих практик рубежа XIX–XX вв. с целью достижения высших показателей выпуска промышленной продукции, какие уже были достигнуты капиталистическими странами, но принципиально без копирования основных капиталистических институтов (Kotkin, 1995; Rieber, 2015; Allen, 2009; Chivot, 1991; Sanchez-Sibony, 2014; Нуреев, Гретченко, 2008; Ханин, 2008). Практически во всех работах мобилизация советской экономики рассматривается со знаком плюс, поскольку в СССР наблюдался экономический рост и увеличивался потенциал роста. Однако количественная оценка этого роста остается проблематичной.

Напомним читателю проблемы расчета советского ВВП СССР.

Как известно, до 1992 г. общепринятая на Западе система национальных счетов в СССР не применялась, что очень затрудняло сопоставление советских и зарубежных макропоказателей. Подсчетом советского ВВП на Западе занимались ученые-советологи (см., например, Rowen, Wolf, 1990: 13–92), некоторые из них были экспертами спецслужб. Их оценки советских макроэкономических показателей не отличались точностью (Ханин, 2016: 21), так как западные исследователи не имели доступа ко многим советским статистическим материалам. Несмотря на современный доступ к ранее засекреченным советским документам по экономической статистике, ВВП СССР до сих пор остается полем для дискуссии (Ханин, 2016) – как из-за научной сложности проблемы, так и в связи с тем, что открытые документы медленно вводятся в оборот.

После холодной войны подсчетом ВВП СССР занялся Ангус Меддисон, на основе разработок которого затем Марк Харрисон строил свои оценки ВВП СССР в сталинский период (Харрисон, 1988). В настоящее время М. Харрисон обратился к другому показателю – национальному потенциалу материального производства (Harrison, 2017), так как через сравнение ВВП трудно понять причину столь длительного лидерства СССР в мире, поскольку даже в конце своего существования СССР в 2 раза уступал США по объему ВВП (Harrison, 2017). По оценке М. Харрисона, разрыв между СССР и США кануна Второй мировой войны по среднедушевому ВВП (Harrison, 2017) был не слишком значительным: США опережали СССР примерно в 2,2 раза.

На наш взгляд, ВВП не стоит списывать со счетов как инструмент анализа советской экономики, поскольку он отражает не только уровень социально-экономического развития, но и характер потребления в экономике. Малый по сравнению с США объем ВВП СССР в 1930–1940-е гг. отчасти объясним небольшим сектором услуг в советской экономике. Мы предлагаем далее свой подсчет ВВП СССР накануне и в период Великой Отечественной войны, основанный на ранее мало либо вообще неизученных советских документах, включая материалы Госбанка СССР первой половины 1940-х гг. Представленный в данной статье новый подход к оценке советского ВВП первой половины 1940-х гг. основан не только на новых документах, но и на новой методике, при помощи которой мы делаем акцент на противоречивости последствий государственной мобилизации экономики, что достигается сравнением потенциального и фактического ВВП СССР в интересующий нас период.

Международный опыт показывает, что мобилизация (военная или мирная) может вызывать не только ускоренный рост, но и спад ВВП или замедление его роста по сравнению с нормальным периодом развития и с той альтернативой, которая могла наступить после часа X, не прими руководство государства решения начинать внедрение мобилизационных мероприятий. Одним из ярких примеров этому служит Иран в 1980-е гг., где негативные последствия были вызваны, помимо неудач первых двух лет войны с Ираком, и провалами в экономической политике (Никпур, 2018: 71). Китай во второй половине правления Мао Цзэдуна (особенно в период «большого скачка» конца 1950-х гг.) продемонстрировал те же тенденции упадка на фоне гиперактивного применения методов мобилизационной экономики (Butt, Sajid, 2018). Также можно вспомнить замедление роста производительности труда и снижение эффективности энергетики в конце правления Сталина или снижение темпов экономического роста в конце хрущевской «оттепели» (Попов, 2019), хотя в обоих случаях активно применялись мобилизационные методы.

Экономика СССР в период Великой Отечественной войны (особенно в 1941–1943 гг.) демонстрирует, казалось бы, гиперогромную эффективность мобилизации. Можно даже говорить о своего рода загадке, которую часто не замечают. Ведь страна за первые полгода войны потеряла около половины своей хозяйственно освоенной на европейском уровне территории, более 60% энергосырья, почти половину магистральных железных дорог, более половины подвижного состава и локомотивов, 40-45% населения оказалось в оккупации. Ленинград, в котором до войны было сконцентрировано порядка трети всего выпуска оборонно-промышленного комплекса, оказался отрезанным от остальной страны уже к середине сентября 1941 г. Как же при таких огромных потерях ресурсов Советский Союз добился перелома в войне, сражаясь с противником, на стороне которого были ресурсы почти всей Европы?!

В советский период феномен роста военного выпуска в СССР объяснялся в основном моральным фактором – превосходством коммунистической идеологии и советского мировоззрения над капиталистическим. Макроэкономические показатели при этом не слишком анализировались. Сравнение выпуска военной продукции с государствами-противниками и государствами-союзниками в период Великой Отечественной войны проводилось в основном по количественным (в штуках), нежели по качественным показателям, что во многом связано с идеологией, иначе было бы выявлено существенное отставание (например, по авиационной технике) от Германии и США. В постсоветский период произошло смещение акцентов в сторону анализа силового воздействия политической полиции на население в СССР для сверхмобилизации трудовых ресурсов.

Не отрицая вклада патриотизма и сталинизма в Великую Победу, мы хотели бы обратиться к макроэкономическим и в особенности макрофинансовым факторам эффективности советской экономики в период Великой Отечественной войны. В конце концов именно в экономических результатах выразилась самоотверженная работа советских людей в тылу. Еще одним важным аспектом настоящей работы является анализ роли внешнеэкономического фактора выживания народного хозяйства СССР в период Великой Отечественной войны.

Цель настоящего исследования – определить, был ли рост советской экономики в период Великой Отечественной войны реальностью и, соответственно, имелись ли резервы для этого

роста в сложных военно-экономических условиях. Для этого мы обращаемся к идеям английского историка экономики Алана Милворда (Milward, 1977), при помощи которых можно лучше понять, чем же, с макроэкономической точки зрения, экономика СССР отличалась от экономик своих противников и союзников (особенно США и Британии с доминионами, так как они в наибольшей степени сохранили свой рыночный механизм).

Концептуальные идеи А. Милворда заключаются в том, что развитие рыночной экономики в условиях военной мобилизации сводится в основном к мобилизации тех имеющихся ресурсов, которые в условиях чистого рынка не задействовались. А. Милворд писал о *рыночных* экономиках, переведенных на военные рельсы, поэтому предполагал, что во время войны усиление государственной бюрократии вовлекает резервы и тем самым работает на рост ВВП, но оно одновременно и снижает ВВП, поскольку государственное управление принципиально менее эффективно, чем рыночная саморегуляция. В вовлекаемые резервы входят при этом не только ранее не задействованные ресурсы (например, мобилизация безработных), но и усиленная амортизация, которая в условиях мирного времени не применяется (фирмы не используют в мирное время станки и прочие производственные активы «до последнего»).

Использование модели Милворда для оценки советского предвоенного ВВП

Хотя вопросы о сравнительной оценке ВВП СССР и других держав-участниц Второй мировой войны остаются дискуссионными, можно для исходных рассуждений условно принимать значения этих показателей, приведенные в работах М. Харрисона и А. Меддисона. Мы согласны с М. Харрисоном и А. Меддисоном (М. Харрисон отталкивается от расчетов А. Меддисона), что советский ВВП был меньше, чем у США и Великобритании (табл. 1), но считаем данную этими авторами оценку ВВП СССР завышенной, что и докажем далее.

Таблица 1

ВВП СССР и некоторых других государств в период Великой Отечественной войны, млрд долларов США 1990 г.

	1941	1942	1943	1944	1945
СССР	359	274	305	362	343
США	1094	1235	1399	1499	1474
Великобритания	344	353	361	346	331
Германия	412	417	426	437	310

Источник: (Harrison, 1998: 21).

Для определения советского ВВП перед и во время Великой Отечественной войны используем формулу прироста ВВП в экономике воюющей страны, которую разработал А. Милворд (Milward, 1977: 34) на основе теории Дж. М. Кейнса.

Данная А. Милвордом формула максимального потенциально возможного ВВП воюющей страны такова:

$$\text{ВВП} = p + r + s + e - f, \text{ где}$$

p – национальный продукт, каким бы он был в мирное время;

r – доступные в экономике мирного времени внутренние ресурсы;

s – экономия от снижения нормы замещения капитала;

e – внешние ресурсы;

f – потери от снижения эффективности из-за усиления бюрократического регулирования.

Как применить формулу А. Милворда к советской экономике начала Великой Отечественной войны? Прежде всего, надо учитывать, что первую половину 1941 г. продолжался экономический рост, но во вторую половину года были очень крупные потери капитала и людских ресурсов из-за

оккупации значительной части территории. Предположим, что эти два фактора компенсируют друг друга, так что далее для оценки советского ВВП военного времени будем опираться на показатели последнего мирного предвоенного года.

Рассчитаем сначала p в мирное время, в предвоенном 1940 г., только вместо национального продукта (НП), как у А. Милворда, у нас будет ВВП.

Общепринятым в мейнстриме науки данным по ВВП СССР того периода мы не доверяем. Они основаны преимущественно на вычислениях А. Меддисона, который исчислил ВВП СССР в долларах США 1990 г. В одной из статей мы ранее показали, что попытки перевода советского ВВП первой половины 1940-х гг. в долларовый эквивалент – это достаточно сомнительный путь в историко-экономическом анализе экономики СССР того периода (Попов, 2016)¹.

Используем для оценки ВВП СССР в 1941 г. метод расчета, основанный на суммировании элементов добавленной стоимости:

$$\text{ВВП} = \text{ОТР} + \text{НПИ} + \text{ВП} + \text{ВСД}, \text{ где}$$

ОТР – оплата труда работников (зарботная плата + премии + материальные пособия) и отчисления на социальное страхование, которые производятся непосредственно работодателем;

НПИ – налоги на производство и импорт (НДС, акцизы, налоги с продаж, на землю и пр.), причем чистые налоги образуются путем уменьшения показателя общих налогов на величину субсидий;

ВП – валовая прибыль экономики, т.е. сумма прибылей всех экономических субъектов;

ДЧЛ – доходы частных лиц от тех видов частной деятельности, где заработная плата неотделима от дохода собственника (речь идет о производстве без использования наемного труда) (Тюрина, Шилина, 2008).

Приведем теперь конкретные данные по архивным источникам.

ОТР в СССР в 1940 г. с учетом специфики расходов, связанных с оплатой труда и социальными выплатами в плановой экономике того времени, составила 52,610 млрд руб. (РГАЭ, Ф. 2324, Оп. 30, Д. 402, Л. 25).

НПИ в СССР составили 140,2 млрд руб. в 1940 г. (РГАЭ, Ф. 1562, Оп. 41, Д. 113, Л. 181). В СССР перед Великой Отечественной войны субсидии народному хозяйству отсутствовали (как строка в государственном бюджете). Правда, это не значит, что их не было вовсе: практически вся советская экономика являлась уже к тому времени субсидированной, поэтому государственные расходы смешались, по сути, с субсидиями. В этом смысле субсидии в плановой и рыночных экономиках различаются по своей природе, поэтому такой показатель, как субсидии, мы можем не включать в расчетную формулу ВВП СССР в 1940 г.

Перед Великой Отечественной войны вся прибыль предприятий шла на их расходы (в основном инвестиции и финансирование социальных программ для работников), нераспределенный остаток изымался государством. Принимая во внимание уже мобилизационный характер советской экономики в 1940 г., большая часть прибыли должна была изыматься государством в форме налога, который назывался отчисления от прибылей. Они составили в 1940 г. 21,7 млрд руб., и их мы можем полностью (с некоторыми оговорками) включить в состав НПИ. Прибыли предприятий в СССР в принципе не могли быть высокими, взяв во внимание сталинский Налоговый кодекс, который был принят в 1930 г. и получил некоторые поправки в 1936 г. Прибыль предприятий в понимании ортодоксальных марксистов являлась признаком капитализма, поэтому социалистическое государство должно было прибыль в основном изымать в госбюджет, так что ставка налога на

¹ Предпринятое нами определение курса рубля начала 1940-х гг. на базе сравнения цен на товары массового потребления в СССР и США дали нам результаты, далекие от оценок А. Мэддисона. На самом деле рубль был дешевле. Однако сравнение стоимостей ряда образцов военной продукции, выпускавшейся в СССР и США, дает нам относительно дорогой рубль в 1940–1945 гг., нежели то определено у А. Мэддисона, поэтому результаты конвертации рублевого ВВП в долларовый мы рассматриваем достаточно условно. Надо также принять во внимание, что в условиях военной экономики стоимости вооружений и стратегического сырья имели большее значение, нежели гражданских товаров, поэтому мы не можем полностью сравнивать экономики воевавших государств, беря во внимание только цены на потребительские товары. Покупательная сила рубля, повторимся, была выше, чем по даже официальному его курсу того времени, если мы берем во внимание только цены на конечную военную продукцию.

прибыль советских предприятий была определена 81%². Исходя из величины отчисления от прибылей легко подсчитать, что прибыль, оставшаяся у предприятий, должна была быть в 1940 г. чуть более 5 млрд руб. С учетом того, что торговые предприятия отчисляли государству несколько большую долю (84% от прибыли³), прибыль всех советских предприятий должна быть несколько ниже. Поэтому мы условно определим для наших расчетов ВП в 4,5 млрд руб.

Доходы частных лиц (ДЧЛ) были перед Великой Отечественной войной не столь значительными, как в период нэпа, но и не пренебрежимо малы. Частнобизнеснические отношения в экономике СССР после 1930 г. почти отсутствовали, однако колхозные рынки продолжали функционировать практически весь сталинский период. В этой связи частные подсобные хозяйства советских колхозников целесообразно рассматривать как некий резерв выживания советского общества. Согласно справке начальника ЦСУ Госплана от 1946 г., вся реализация на колхозных рынках в 1940 г. составила чуть более 28 млрд руб. (РГАЭ, Ф. 7971, Оп. 16, Д. 354, Л. 24) в текущих ценах, что почти на 7 млрд больше, чем все отчисления от прибыли в пользу государства советских предприятий в том году⁴.

Итак, наша формула расчета p как советского ВВП в 1940 г. приняла вид:

$$p = \text{ОТР} + \text{НПИ} + \text{ВП} + \text{ДЧЛ} = 52,6 + 140,2 + 4,5 + 28,0 = 225,3 \text{ млрд руб.}$$

Это соответствует приблизительно 18 млрд долларов США по текущему дипломатическому курсу начала Великой Отечественной войны (Попов, 2016: 45).

Для расчета f , потерь советской экономики от сталинской модели государственного регулирования, будем исходить из того, что эти потери связаны с неэффективным использованием трудовых ресурсов: некоторая часть рабочей силы (арестованные в тюрьмах) оказалась исключена из производства, другая часть работала с пониженной выработкой (заключенные в лагерях ГУЛАГа), а свободные работники далеко не всегда работали «с полной отдачей», поскольку не имели сильных стимулов к труду. Попробуем рассчитать разницу между фактическим ВВП 1940 г. и максимально возможным ВВП, если бы все ресурсы – прежде всего, трудовые – использовались наилучшим образом. Для этого мы сделаем расчет того, какой была годовая выработка обычных советских работников, на основе информации о производительности труда в ГУЛАГе в сравнении с «нормальной» экономикой.

В 1941 г. руководством ГУЛАГа было определено, что лагерный заключенный ГУЛАГа дает примерно 50% от выработки свободного гражданина (Барнс, 2019: 191). Такая оценка является, безусловно, результатом округления более точного расчета, но, вероятно, не слишком сильного⁵. Известно, что в период 1941–1943 гг. в ГУЛАГе производилось в среднем в год продукции на сумму 3,56 млрд рублей (Барнс, 2019: 191). В.Н. Земсков привел цифру численности заключенных в лагеря ГУЛАГа в 1 929 729 человек (Земсков, 1999: 115), которая отражает ситуацию кануна Великой Отечественной войны, еще мирного первого полугодия 1941 г. Наша оценка численности трудоспособного населения СССР – около 74,5 млн человек⁶. Следовательно,

² Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР за 1930 год. М.: Управление Делами Совета Народных комиссаров Союза ССР и Совета Труда и Обороны, 1931. С. 853.

³ Там же.

⁴ Из этого же документа ЦСУ следует, что цены на мясо и сало выросли к 1944 г. в почти 4,5 раза, по сравнению с 1940 г., при этом мяса и сала было заготовлено только приблизительно на четверть меньше (почти 4,3 млн центнеров против приблизительно 6 млн центнеров в 1940 г. (РГАЭ, Ф. 7971, Оп. 16, Д. 354, Л. 24)). Общая сумма реализации продукции на колхозных рынках в 1944 г. составила примерно 205 млрд руб. в текущих ценах свободной торговли, что эквивалентно примерно 20 млрд руб. в ценах 1940 г. (с учетом того, что цены на зерно и картофель выросли более чем в 10 раз).

⁵ Для сравнения можно указать на сведения руководителя ГУЛАГа В.Г. Наседкина, который в мае 1941 г. писал, что «выработка на одного рабочего в ГУЛАГе на строительно-монтажных работах 23 рубля в день, а в гражданском секторе на строительно-монтажных работах 44 рубля» (Бородкин, 2010). Здесь сопоставление делается только по одному виду работ, но соотношение почти такое же (52%).

⁶ Советская статистика сталинского периода предоставляла нередко официально неверные данные по численности народонаселения. Известно из одного авторитетного документа (докладная записка В.М. Молотову о состоянии колхозов), что трудоспособное население колхозов составляло в 1940 г. 35,5 млн человек (РГАЭ, Ф. 2324, Оп. 30, Д. 402, Л. 180), 4,7 млн сельских жителей были заняты вне колхозов (РГАЭ, Ф. 7486, Оп. 3, Д. 1792, Л. 56), в сумме на селе занятыми были около 40,2 млн человек. По данными исследования, проведенного в конце советского периода, в сельском и лесном хозяйствах СССР были заняты в 1940 г. 54% от трудоспособного населения, с учетом чего мы имеем общую численность трудоспособного населения СССР около 74,5 млн человек перед Великой Отечественной войной.

лагерные заключенные ГУЛАГа составляли примерно 2,6% всего трудоспособного населения СССР перед Великой Отечественной войной. Чтобы рассчитать потенциально возможную совокупную выработку в СССР, 3,56 млрд рублей умножаем на 2 (поскольку один свободный работник по производительности труда эквивалентен двум заключенным) и делим на 2,6 (поскольку 2,6% свободного трудоспособного населения были, согласно приведенным данным, в состоянии произвести в условиях советской экономики начала 1940-х гг. продукции на именно такую сумму). Получается, что 1% свободного трудоспособного населения мог выпустить продукции в год примерно на 2,74 млрд руб. при отсутствии неструктурных шоков в экономике (как, например, оккупации значительной части территории). Это – показатель потенциала советской экономики по применению трудовых ресурсов, максимально возможная (в мирное время) производительность трудоспособного населения. Следовательно, в 1940 г. все 100% трудоспособного населения СССР могли создать (если бы многие не находились в тюрьмах и лагерях, а многие свободные работники не отлынивали) продукции примерно на 274 млрд руб. Это существенно больше, чем наша оценка ВВП СССР в 1940 г. в 225,3 млрд руб. Разрыв – примерно 49 млрд руб., т.е. резервы составляли около 22%.

ВВП советской военной экономики по А. Милворду

Таким образом, для формулы ВВП экономики воюющей страны по А. Милворду, где

$$\text{ВВП} = p + r + s + e - f,$$

мы имеем $p = 274$ млрд руб. (мы берем здесь потенциальный ВВП в 1940 г.) и $f = 49$ млрд руб.

Попробуем дать оценку r , доступных в экономике внутренних резервов, и s , экономии на усиленной эксплуатации производственного парка.

Проще всего дать оценку параметра s . Он рассчитывался А. Милвордом для рыночной экономики, но в случае с плановой экономикой СССР данный элемент прироста ВВП может просто отсутствовать. Действительно, в условиях советской плановой экономики станки и оборудование, как и здания, эксплуатировались, как правило, *всегда* (не только во время войны) очень долго, практически до полного износа, что было связано с отсутствием конкуренции. Были, разумеется, исключения, но они не меняли ситуацию в целом. Поэтому с некоторыми оговорками мы предлагаем определить $s = 0$.

При анализе параметра r надо учитывать, что в советской плановой экономике r (доступные внутренние резервы) объединяют как проценты ВВП, дополнительно появившиеся в результате сокращения негативного воздействия на экономику со стороны f (в частности, отправки на фронт в 1941 г. значительной части заключенных ГУЛАГа, что освобождало от мобилизации в армию часть работников), так и мобилизации ресурсов, в первую очередь трудовых, включая, разумеется, увеличения в народном хозяйстве трудозатрат женщин и подростков. Надо также учитывать, что сохранившиеся на неоккупированных территориях в гражданском секторе производственные активы должны были обслуживать меньшую численность населения, поскольку более 80 млн советских граждан оказались на оккупированных территориях. В то же время r в советской экономике не мог появиться, как в США и Великобритании, за счет привлечения в производство безработных и частично занятых, поскольку безработицы в СССР не существовало. Перемещение трудовых ресурсов из села в город, что наблюдалось в начале Второй мировой войны в странах Запада, было в СССР в период Великой Отечественной войны очень ограниченным, это установлено историками на базе анализа ситуации с трудовыми ресурсами по отдельным регионам в 1941–1945 гг. (Коньшев, 2018: 216). Данная ситуация была вызвана низкой производительностью труда в сельском хозяйстве, как и его низкой совокупной факторной производительностью в целом (Синицын, 2017: 45), что заставляло государство административными средствами удерживать как можно больше рабочих рук на селе. То же самое можно сказать об ограниченности релокации трудовых ресурсов между гражданскими и военными производствами: труд на последних в СССР был далеко не всегда привлекательным,

мобилизационный механизм тоже работал с определенными жесткими ограничениями (Данилов, 2014: 115; Козурман, 2010: 104), так как население крупных и средних советских городов не было в 1940-е гг. большим.

По С.А. Барнсу, численность заключенных оставалась в процентном отношении к остальному трудоспособному населению примерно 3% постоянно на протяжении всей Великой Отечественной войны, несмотря на сокращение «населения» ГУЛАГа: из-за оккупации и высокой смертности сильно уменьшилась численность занятого населения (Барнс, 2018: 191), поэтому r за счет уменьшения заключенных возрасти не мог. Кроме того, массовое освобождение политических заключенных было очень затруднено, так как власть стремилась изолировать некоторые сегменты общества (не только, например, ветеранов белых армий, но и кулаков), рассматривая их в качестве потенциальных коллаборационистов и агентов вражеских разведок.

Повышение эффективности управленческого аппарата во время войны наблюдалось, но вряд ли оно было значительным для начального периода войны, если не брать во внимание организацию эвакуации предприятий. По ВВП СССР, согласно различным оценкам, так и не вышел на уровень 1940 г. до конца Второй мировой войны. Все это указывает на то, что высокого эффекта от государственной централизации в смысле прироста ВВП не было (хотя возможно был эффект от наращивания военного выпуска при сокращении производства гражданской продукции). Поэтому мы можем утверждать, что в советской экономике военных лет $r = 0$.

Рассмотрим теперь параметр e – внешние ресурсы, т.е. экономическую помощь СССР от союзников. Несомненно, существенную роль в советской военной экономике играл ленд-лиз, который и должен отражаться в показателе e формулы А. Милворда.

По ленд-лизу СССР получил за весь период продукцию на сумму в 11,3 млрд долларов США в текущих ценах. По дипломатическому курсу (Попов, 2016) это составляло 141,25 млрд рублей, что больше ВВП СССР в 1942 г. или в 1943 г. Если теперь разделить общую сумму ленд-лиза на 4 года войны, то мы можем принять ежегодное значение $e = 35$ млрд рублей. Для более точного учета надо принимать во внимание, что поступающая из стран Запада продукция применялась на фронте и в народном хозяйстве чаще всего не сразу, а по прошествии нескольких месяцев, как это, например, случилось с поставками большей части военных самолетов в последнем квартале 1941 г.

Таким образом, в 1941 г. потенциально возможный советский ВВП (с одной стороны, без учета потерь населения, территорий и производственных активов, а также, с другой стороны, без учета прироста в первой половине 1941 г.) можно оценить следующим образом:

$$\text{ВВП} = 274 + 35 - 49 = 260 \text{ млрд руб.}$$

Метод оценки реального ВВП для СССР военного периода будет представлен ниже (см. табл. 2). Отметим лишь, что имевшийся резерв в 49 млрд руб. из-за призыва в армию и потерь территорий и их населения, попавшего в оккупацию, был использован в первый год войны далеко не полностью. Сохранение репрессивных мер – например, продолжение практики арестов за незначительные проступки и крупномасштабных политических репрессий (депортация немцев Поволжья) – существенно уменьшало экономическую эффективность работы сталинской бюрократии.

Сопоставим резервы для войны в СССР и странах Запада.

Если, по нашему расчету, разрыв между потенциальным и реальным ВВП в СССР накануне Второй мировой войны составлял приблизительно 22%, то в США, согласно современным оценкам на базе расчетов Э. Хансена, сделанных этим лидером американских кейнсианцев в 1938 г., он составил 23,1% (Gordon, Krenn, 2010). Соответственно, это и был резерв для военного роста американской экономики на фоне достаточно высокого показателя роста производительности труда – 2,7% в год, что в 2 раза больше, нежели в США в период 2004–2014 гг. (Gordon, Krenn, 2010). В начале Второй мировой войны безработица в США держалась на уровне 15%, что также создавало определенный резерв для мобилизации. Но этот резерв возник в результате неудачной работы рыночного механизма в кризисные 1930-е гг., а не сбоя в работе бюрократического аппарата, как это было в СССР.

Динамика ВВП СССР в военный период

Динамика ВВП всего советского периода вызывает большие споры. Самым надежным методом вычисления ВВП СССР в интересующий нас период, по нашему мнению, является умножение ВВП базового года на коэффициент, отражающий изменение объемов железнодорожных перевозок в тонно-километрах. Конечно, данный метод может дать лишь приблизительную оценку динамики ВВП, но часто применяющиеся подсчеты ВВП через изменения цен – метод еще более сомнительный, что мы показали на примере оценки ленд-лиза в историографии (Попов, 2016).

Из разных источников известно, что в 1940 г. в СССР было перевезено 415-420 млрд тонно-километров грузов. Возьмем максимальное значение 420 млрд тонно-километров за 100%, или единичный коэффициент, тогда мы представим динамику ВВП следующим образом (табл. 2). В этой таблице расчет «ВВП с учетом ленд-лиза» выполнен на основе предположения о равномерности поставок. Поскольку на самом деле в 1941–1942 гг. поставки были еще невелики, а в 1943–1945 гг. они выросли, то оценки ВВП первых лет войны сделаны здесь с некоторым завышением, а последних лет – с занижением.

Таблица 2

Динамика железнодорожных перевозок и ВВП СССР в период Великой Отечественной войны⁷

Показатели	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Железнодорожный транспорт, млрд тонно-км	420,0	386,5	217,8	238,8	281,3	314,0
Индекс изменений, 1940 = 1,0	1,0	0,92	0,52	0,57	0,7	0,75
ВВП, млрд руб. в текущих ценах (официально действовали «замороженные» цены 1940 г.)	225,3	201,02	113,62	124,55	152,9	163,9
ВВП, млрд руб. в текущих ценах с учетом ленд-лиза ⁸	----	236,4	148,94	159,87	188,22	199,22

Составлено по: (Народное хозяйство СССР, 1990: 175).

Наши рассуждения, приведенные в табл. 2, совпадают с консолидированными данными по темпам промышленного производства в СССР 1929–1950 гг., описанными у С.В. Смирнова. По его оценке, со второго полугодия 1941 г. прирост промышленного производства по отношению к предыдущему году стал падать (в последнем квартале 1943 г. он оказался почти нулевым), что продолжалось практически до зимы 1944–1945 гг. После пика в первом полугодии 1946 г. снова начался спад, который длился практически до конца сталинского периода (Смирнов, 2012: 24). Эти данные, описанные у С.В. Смирнова, могут показаться загадочными, поскольку СССР

⁷ Наши расчеты ВВП с учетом ленд-лиза могут показаться некорректными, потому что импортная продукция тоже перевозилась советским железнодорожным транспортом по территории СССР. Однако примем во внимание, во-первых, что значительную часть транспортных издержек доставки этой продукции в СССР брали на себя другие государства, т.е. затраты перевозки по советской территории компенсировались затратами перевозки за пределами Советского Союза. Во-вторых, значительная часть поставок по ленд-лизу имела характер конечной продукции, т.е. издержки по транспортировке сырья и полуфабрикатов для ее выпуска несли другие экономики, и этот же принцип применим к сырью и полуфабрикатам, так как, например, поставки грузов для той же американской цветной металлургии осуществлялись на территории США, тогда как в СССР по ленд-лизу шел уже готовый алюминий и прочие сплавы. В-третьих, сырье и полуфабрикаты входили затем в состав уже готовой советской продукции, что значительно экономило транспортные издержки, связанные с производством того же алюминия. В-четвертых, сам объем ленд-лиза в тоннах не был столь крупным – 17,5 млн т (Палерно, 1998: 10), чтобы говорить о сильной нагрузке от поставок по нему на железнодорожную сеть СССР. Для сравнения упомянем, что 1% от всего объема перевозок железнодорожным транспортом в период Великой Отечественной войны составил приблизительно 46,4 млн т (Федоров, 2016). Поэтому мы считаем с некоторыми оговорками наш подсчет ВВП СССР с учетом ленд-лиза вполне правомерным.

⁸ Включение стоимости ленд-лиза для расчета ВВП СССР в 1941 г. вполне справедливо, так как поставки фактически начались уже в конце июня 1941 г., но они шли в форме обычного экспорта, за который Москва расплачивалась чистым золотом. Правда, суммы выплат были небольшими, и эти потери советской экономики с конца 1941 г. стали компенсироваться временно безвозмездными поставками по ленд-лизу, за который СССР отказался расплачиваться после Второй мировой войны. Кроме того, СССР оплачивал поставки из других стран не сразу по отгрузке, а после получения, причем лаг оплаты мог быть достаточно длительным, что широко практиковалось еще до войны. К тому же поставки часто финансировались из специально выделенных под гарантии правительств кредитов, которые СССР нередко погашал с опозданием.

с зимы 1942 г. постоянно значительно увеличивал выпуск военной продукции. Очевидно, речь идет о последствиях резкого снижения выпуска гражданской продукции, а также «облегчения» образцов советского вооружения, что снижало затраты материалов и энергии на единицу выпускавшейся продукции.

Разгадка «выживания» СССР

Остается без ответа пока что вопрос, как СССР выжил в 1941–1943 гг. при огромных потерях территорий и населения. К ним мы относим и фактическую хозяйственную потерю Ленинграда, промышленность которого с зимы 1941–1942 гг. работала намного слабее, чем даже в октябре 1941 г. Кроме того, весной 1942 г. в СССР прошла очередная массовая мобилизация среди промышленных рабочих, что создало тяжелую ситуацию с кадрами в промышленности к лету того же года.

Тяжелая ситуация в экономике СССР наблюдалась и в дальнейшем, вплоть до 1944 г. Как мы видим из данных в табл. 2, переломный на фронтах Великой Отечественной войны 1943 г. не был таковым в экономике СССР, рост ВВП в этом году оказался незначительным. Мы объясняем это во многом мобилизациями мужчин и полным разрушением во втором полугодии 1942 г. Сталинграда, который до конца войны так и не был восстановлен вместе с его крупным промышленным потенциалом.

Для объяснения загадки «выживания» СССР надо обратить внимание на высокую территориальную гетерогенность страны. Хорошо известно, что регионы СССР практически до конца существования этого государства были развиты очень неравномерно. В сталинский же период наблюдались гораздо более сильные диспропорции, чем после 1953 г.

Следует обратить внимание, например, на то, что новые западные территории, присоединенные в 1939 г., имели очень слабую экономику. В западных регионах Украины советская власть после сентября 1939 г. оказалась вынуждена срочно создавать промышленные артели. Национализировать промышленность здесь оказалось затруднительно, поскольку при поляках значительный объем выпуска осуществлялся мелкими семейными кустарными предприятиями. В этой связи приведем интересный факт, иллюстрирующий состояние западных регионов СССР, оккупированных в течение первого месяца Великой Отечественной войны: 833 промышленных артели Западной Украины с занятыми в них 33 500 работниками дали в 1940 г. продукции на 11,2 млн руб., что составило 16% от стоимости всего выпуска промышленности присоединенных к СССР западных украинских территорий (Петровская, Борисенок, 2011: 158). Соответственно, весь промышленный выпуск этих территорий в 1940 г. составил 70 млн руб. в текущих ценах. Данная сумма выглядит карликовой на фоне того, что весь объем тяжелой промышленности СССР имел в 1938 г. стоимость почти 100,4 млрд руб. в ценах 1926/1927 гг. (Арутинян, Маркус, 1940: 649), а в текущих ценах 1938 г. этот показатель должен был быть еще выше.

В результате быстрой потери Западной Украины и Западной Белоруссии (где были аналогичные проблемы) советскому правительству не надо было до 1944 г. делать бюджетные инвестиции в эти очень отсталые территории. Капиталовложения направлялись в гораздо более экономически эффективные регионы Урала и Западной Сибири⁹, так что хозяйственная необходимость и безальтернативность выбора победили политику.

Итак, после июня 1941 г. началось перемещение инвестиций из неэффективных западных регионов, которые были утеряны, в гораздо более эффективные центральные и восточные. Даже в 1944–1945 гг. капиталовложения в СССР были меньшими, чем до войны. Правда, в СССР капиталовложения сильно превзошли довоенный уровень (табл. 3), что было связано с ключевым значением Донбасса и ДнепроГЭСа для народного хозяйства СССР, которые необходимо было срочно восстанавливать.

⁹ К схожим идеям приходит в своей знаменитой работе про военную экономику СССР Е.В. Хохлов (Хохлов, 2005).

Таблица 3

Распределение капиталовложений по республикам, млрд руб.

Республика/год	1940	1944	1945
РСФСР	31,2	21,6	25,1
БССР	1,3	0,5	0,9
УССР	6,5	7,1	9,5

Составлено по: (Народное хозяйство СССР, 1990: 95).

Во втором полугодии 1941 г. в СССР были осуществлены колоссальные капиталовложения (табл. 4), которые были сделаны в основном в экономику РСФСР, включая высокопродуктивный горный комплекс Урала и Западную Сибирь. Видимо, в них и заключается «разгадка» причин выживания советской экономики: потеряв большие, но в значительной степени малопродуктивные западные территории, страна их компенсировала быстрым освоением перспективных восточных территорий.

Таблица 4

Динамика капиталовложений в народное хозяйство и промышленность СССР в 1941–1944 гг.

Периоды	Сумма капиталовложений в народное хозяйство, руб.
Второе полугодие 1941 г.	18,6 млрд руб.
1942	24,0 млрд руб.
1943	24,2 млрд руб.
1944	33 млрд руб.
1945	40,7 млрд руб.

Составлено по: (Чадаев, 1985: 167).

Заключение

Спад ВВП мог бы оказаться в воюющем СССР еще большим, не начнись улучшения управления. Важным резервом советской экономики была оптимизация управленческих процессов и повышение качества бюрократического управления в целом, что, правда, практически невозможно выразить в макроэкономических показателях, так как эффекты от повышения качества управления в финансовом выражении «погашались» в условиях войны потерями людских и материальных ресурсов. Однако перед Великой Отечественной войной у СССР не было крупных резервов, что мы объясняем довоенной мобилизацией экономики, особенно частичной мобилизацией 1940 г. Если, например, у США был такой резерв в форме обширного гражданского сектора, то у СССР такого преимущества не было. В этой связи мы сказали бы, что малый объем среднедушевого ВВП (в сравнении с западными демократиями и нацистской Германией) не оставил СССР больших реальных резервов в экономике для мобилизации.

В качестве гипотезы, объясняющей экономическое «выживание» СССР, можно принять такой фактор, как образование «оборонно-промышленных» кластеров в центральных регионах страны в результате эвакуации (в первую очередь мы имеем в виду Киров/Вятку, Челябинск, Магнитогорск и Казань). Именно это стало, видимо, главной причиной выхода советской военной экономики из кризиса в 1943 г.

Мы также выделяем сильные диспропорции между западными и центральными регионами СССР накануне войны как фактор, позволивший советской экономике выжить в условиях больших территориальных потерь. Инвестиционные потоки в советской экономике были перенаправлены с отстававших до войны западных регионов (особенно это касается бывших польских территорий и присоединенных в 1940 г. республик Балтии) на Урал, Поволжье и Западную Сибирь. Потеря Донбасса являлась, разумеется, болезненной, но геологические особенности Донбасса уже в Первую мировую войну не делали этот угольный бассейн высокоэффективным с точки зрения

рентабельности добычи. В годы Великой Отечественной войны СССР быстрыми темпами развивал Кузбасс, геологические условия которого были намного лучше.

Вклад сталинизма в экономическую сторону Великой Победы заключается, как мы делаем вывод из всего сказанного выше, не столько в военной, сколько в предвоенной мобилизации народного хозяйства. К началу войны уже имелись готовые военные производства, хотя часть этих производств надо было переместить из одного региона страны в другой в связи с потерями западных областей.

Что касается способности сталинской модели плановой экономики обеспечить экономический рост в военных условиях, то здесь СССР заметно уступал западным демократиям. Ссылки на колоссальные потери территорий и населения не следует считать полноценным оправданием (хотя это, конечно, тоже играло определенную роль), поскольку, повторимся, многие оккупированные советские территории не имели большого хозяйственного значения перед Великой Отечественной войной. Для сравнения можно сказать, что утрата западными союзниками практически всей Юго-Восточной Азии с ее запасами полезных ископаемых в первом полугодии 1942 г. оказывала на их экономики гораздо более болезненный эффект, нежели для советского народного хозяйства временная утрата Украины, Белоруссии и республик Прибалтики.

Литература / References

Арутинян, А.А., Маркус, Б.Л. (1940). Развитие советской экономики. М.: Государственное социально-экономическое издательство. [Arutinian, A.A., Markus, B.L. (1940). Development of the Soviet economy. Moscow: State's socio-economic publishing house, 666 p. (In Russian.)]

Барнс, А.С. (2019). Принудительный труд в советском тылу: ГУЛАГ военного времени / Физелер, Б., Марквик, Р.Д. Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны. М.: Политическая энциклопедия. [Barnes, A.S. (2019). Forced labor in the Soviet rear: the wartime GULAG / Fizeler, B., Markvik, R.D. Soviet rear 1941–1945: everyday life during the war. Moscow: Political encyclopedia, pp. 162–194. (In Russian.)]

Бородкин, Л.И. (2010). Именем Сталина. Гулаг на «Великих стройках коммунизма» (интервью) // Эхо Москвы URL (<https://echo.msk.ru/programs/staliname/657435-echo/#element-text> – дата обращения: 19.03.2020) [Borodkin, L.I. With Stalin's name. Gulag on the "Great construction sites of communism" (interview). Echo of Moscow (<https://echo.msk.ru/programs/staliname/657435-echo/#element-text> – accessed: 19.03.2020). (In Russian.)]

Данилов, В.Н. (2014). Изменения в составе населения Саратовского Поволжья в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // *Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения* 14(3): 114–120. [Danilov, V.N. (2014). Changes in the composition of the population of the Saratov Volga region during The Great Patriotic war (1941–1945). *Izvestiya Saratovskoy Un-ta. New. ser. Ser. History. International relations* 14(3): 114–120. (In Russian.)]

Земсков, В.Н. (1999). Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных (30–50-е годы) // *Мир России* (4): 114–124. [Zemskov, V.N. (1999). Demography of prisoners, special settlers and exiles (30–50s). *Mir Rossii* (4): 114–124 (In Russian.)]

Козурман, С.О. (2010). Эвакуация промышленных предприятий в Саратовскую область и социально-бытовые проблемы рабочих кадров // *Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения* 10(2): 104–109. [Kozurman, S.O. (2010). Evacuation of industrial enterprises to the Saratov region and social and everyday problems of workers. *Izvestiya Saratov University. Ser. History. International relations* 10(2), 104–109. (In Russian.)]

Коньшев, Д.Н. (2018). Демографические процессы и трудовые ресурсы села в 1945–1964 гг. (на материалах Волго-Вятского региона) // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина* 3(60): 212–225. [Konyshchev, D.N. (2018). Demographic processes and labor resources in rural areas in 1945–1964 at the materials of the Volga-Vyatka Region. *Ryazan State University Bulletin S.A. Yesenina* 3(60): 212–225. (In Russian.)]

Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (1990). М: Информационно-издательский центр. [The national economy of the USSR in the Great Patriotic War of 1941–1945. (1990). Moscow: Information and Publishing Center. (In Russian.)]

Никпур, А.Г. (2018). Социально-экономическое развитие Ирана и России: сравнительный анализ // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право* (2): 70–73. [Nikpour A. (2018). Socio-economic development of Iran and Russia: comparative analysis. *Modern science: topical problems of theory and practice. Series: Economy and law* (2): 70–73. (In Russian.)]

Нуреев, Р.М., Гретченко, А.И. (2008). Реформы и застой в советской экономике // *Историко-экономические исследования* 9(3): 134–165. [Nureev, R.M., Gretchenko, A.I. (2008). Reforms and stagnation in the Soviet economy. *Economic History and History of Economics* 9(3): 134–165. (In Russian.)]

Петровская, О.В. (ред.), Борисенок, Е.Ю. (ред.) (2011). Западная Белоруссия и Западная Украина в -1941 гг.: люди, события, документы. СПб.: Алетейя. [Petrovskaya, O.V. (ed.), Borisenok, E.Yu. (ed.) (2011). Western Belarus and Western Ukraine in 1939–1941: people, events, documents. SPb.: Aleteya. (In Russian.)]

Попов, Г.Г. (2012). Все для обороны страны? К вопросу о подготовке СССР к войне в довоенные пятилетки // *Terra Economicus* 10(3): 77–83. [Popov, G.G. (2012). Everything for country's defences? On the issue of USSR' war capacity during pre-war five-year periods. *Terra Economicus* 10(3): 77–83. (In Russian.)]

Попов, Г.Г. (2016). Военно-экономическое значение «ленд-лиза» для СССР // *Journal of economic regulation* 7(1): 34–53. [Popov, G.G. (2016). Military-Economic Role of “Lend-Lease” for the Soviet Union. *Journal of economic regulation* 7(1): 34–53. (In Russian.)]

Попов, Г.Г. (2019). Между либерализацией коммунизма и ортодоксальным марксизмом (осмысление эволюции советского экономического развития 1950–1960-х гг.) // *Terra Economicus* 17(4): 113–128. [Popov, G.G. (2019). Between the liberalization of communism and orthodox Marxism (understanding evolution of Soviet economic development in the 1950s and 1960s). *Terra Economicus* 17(4): 113–128. (In Russian.)]

Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Ф. 1562, Оп. 41, Д. 113. [Russian state archive of Economics (RGAE), F. 1562, Op. 41, D. 113.]

Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Ф. 2324, Оп. 30, Д. 402. [Russian state archive of Economics (RGAE), F. 2324, Op. 30, D. 402.]

Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Ф. 7486, Оп. 3, Д. 1792. [Russian state archive of Economics (RGAE), F. 7486, Op. 3, D. 1792.]

Российский государственный архив экономики (РГАЭ), Ф. 7971, Оп. 16, Д. 354. [Russian state archive of Economics (RGAE), F. 7971, Op. 16, D. 354.]

Синицын, Р.В. (2017). О достоверности дореволюционной статистики в контексте оценки урожайности зерновых культур статистическими органами Российской империи и СССР // *Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана* (2-3): 23–33. [Sinitsyn, R.V. (2017). On the reliability of pre-revolutionary statistics in the context of yield estimation of crops by the statistical authorities of the Russian Empire and the Soviet Union. *The New Historical Perspectives: From Baltic to Pacific Ocean* (2-3): 23–33. (In Russian.)]

Смирнов, С.В. (2012). Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861–2012: препринт WP2 [Текст]. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 64 с. [Smirnov, S.V. (2012). Industrial Output and Economic Cycles in the USSR and Russia, 1861–2012: Working paper WP2/2012/04 Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics (In Russian.)]

Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР за 1930 год. (1930). М.: Управление Делами Совета Народных комиссаров Союза ССР и Совета Труда и Обороны. [Collection of laws and orders of the Workers 'and Peasants' Government of the USSR for 1930. (1930). Moscow: Department of Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR and the Council of Labor and Defense. (In Russian.)]

Тюрина, А.Д., Шилина, С.А. (2008). Макроэкономика. Конспект лекций. М.: Эксмо, 36 с. [Tyurina, A.D., Shilina, S.A. (2008). Macroeconomics. Lecture notes. Moscow: Eksmo, 36 p. (In Russian.)]

Федоров, В.А. (2016). Транспортная система СССР – инфраструктура Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов [Текст] // Экономика, управление, финансы: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). Краснодар: Новация. С. 118–123. (<https://moluch.ru/conf/econ/archive/172/9485/> – дата обращения: 11.03.2020). [Fedorov, V.A. (2016). Transport system of the USSR-infrastructure of Victory in the great Patriotic war of 1941–1945 [Text]. Economics, management, Finance: materials of the VI international conference. science. Conf. (Krasnodar, February 2016). Krasnodar: Novation. Pp. 118–123. (<https://moluch.ru/conf/econ/archive/172/9485/> – accessed: 11.03.2020. (In Russian.)]

Ханин, Г.И. (2008). *Экономическая история России в Новейшее время*: В 3 т., т. 1. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 516 с. [Khanin, G.I. (2008). The Economic History of Modern Russia: in 3 vols., vol. 1, The Economy of the USSR from the Late 1930s to 1987. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University Publ., 516 p. (In Russian.)]

Ханин, Г.И. (2016). Надо ли защищать советскую экономику лукавыми цифрами? // *Terra Economicus* 14(1): 18–26. [Khanin, G.I. (2016) Whether Soviet economy needs to be protected by the crafty figures? *Terra Economicus* 14(1): 18–26. (In Russian.)]

Хохлов, Е.В. (2005). Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 280 с. [Khokhlov, E.V. (2005). Military economy of the USSR before and during The Second World war. SPb.: Publishing house of St. Petersburg. University press, 280 p. (In Russian.)]

Чадаев, Я.Е. (1985). Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Мысль, 390 с. [Chadaev, Ya.E. (1985). Economy of the USSR during The Great Patriotic war (1941–1945). Moscow: “Mysl”, 390 p. (In Russian.)]

Allen, R.C. (2009). *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton University Press, 319 p.

Butt, K.M., Sajid, S. (2018). Chinese Economy under Mao Zedong and Deng Xiaoping // *Journal of Political Studies*, 25(1): 169–178.

Chirot, D. (1991). What Happened in Eastern Europe in 1989? // *PRACTIS International*, 11(3-4): 278–305.

Gordon, R.J. (2014). The turtle’s progress: Secular stagnation meets the headwinds (<https://voxeu.org/article/turtle-s-progress-secular-stagnation-meets-headwinds#fn3> – accessed: 19.03.2020).

Gordon, R.J., Krenn, R. (2010). The End of the Great Depression 1939–41: Fiscal Multipliers and Policy Contributions, NBER Working Paper №16380.

Harrison, M. (1988). Resource Mobilization for World War II: The U.S.A., U.K., U.S.S.R., and Germany, 1938–1945 // *The Economic History Review*, 41(2).

Harrison, M. (1998). *The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison*, Cambridge University Press.

Harrison, M. (2017). The Soviet economy, 1917–1991: Its life and afterlife. (<https://voxeu.org/article/soviet-economy-1917-1991-its-life-and-afterlife>).

Kotkin, S. (1995). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkley: University of California Press, 639 p.

Milward, A.S. (1977). *War, Economy and Society, 1939–1945* // *History of the World Economy in the Twentieth Century*, 5, 395–408.

Palerno, A.L. (1998). *Lend-Lease. Pacific Ocean*. Moscow: Terra-Book Club.

Rieber, A.J. (2015). *Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia*. Cambridge: Cambridge University Press, 420 p.

Rowen, H.S., Wolf Ch., Jr. (eds.) (1990). *The Impoverished Superpower Perestroika and Soviet Military Burden*. San Francisco, California: Institute for Contemporary Studies.

Sanchez-Sibony, O. (2014). *Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev*. New York: Cambridge University Press.

* * *

Мы не согласны с принятым в мейнстриме науки мнением, что сталинский режим был готов жертвовать всем ради военного производства. Архивные материалы фондов РГАЭ, в частности баланс расчетов государства с населением, отраженный на счетах Госбанка СССР, указывают на существование несколько иных принципов и подходов в советской экономической политике сталинского периода. Но мы не отрицаем, что приоритеты в сталинской экономической политике были расставлены в пользу оборонно-промышленного комплекса.